

СВЕТЛАНА СЕРЁГИНА

“ДО СЛЁЗ ЛЮБЯ СТРАНУ РОДНУЮ...”

Сергей Антонович Клычков. Исследования и материалы. По итогам международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. А. Клыčkова. М., Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2011.

Современная литература, перешагнувшая границы постмодерна, оказывается зачастую в пространстве духовной пустоты. Художественное слово XXI века стремится освободиться от категорий, определявших смысловое поле классической литературы. Категория национальной памяти, кажется, утрачивает свое фундаментальное для русского текста значение.

Творческий опыт “новокрестьянских” поэтов, призывавших, говоря словами С. Клыčkова, “вкусить щедрот неистощимых, взошедших с древних пепелищ”, – это не только источник для богатейших эстетических переживаний, но утрачиваемая, увы, ныне и необходимая впредь современному человеку система смыслов и духовных координат.

С. Клычков так определил главный ориентир своего существования:

*До слез любя страну родную
С ее простором зеленей,
Я прожил жизнь свою, колдуя
И плача песнею над ней.*

В 2009 году в Литературном институте им. А. М. Горького прошла международная научная конференция, посвященная 120-летию со дня рождения Сергея Антоновича Клыčkова, певца “сада потаенного” русской культуры, чья яркая самобытная проза органично вписывалась в мифотворческий контекст начала XX столетия.

Круг вопросов, над которым размышляли ученые и писатели из России, Украины, Франции и США, актуален не только с филологической толчки зрения. Утрата русской деревней своего быта и своего бытия, существование традиционного мышления в переломные исторические эпохи, вечный конфликт природы и цивилизации – эти темы, встающие перед читателем Клыčkова, обнажают большие вопросы современного человека.

Г. Седых, размышлявшая над социальным контекстом творчества Клыčkова, вспомнила слова поэта, которыми он характеризовал свою эпоху: “В наше время особенно очевидно неосуществимы три вещи: подвиг – пото-

му что смешон, жертва – потому что бессмысленна, борьба – потому что невозможна”. Меня поразило совпадение клычковской триады (подвиг–жертва–борьба) с необратимостью его и отчасти нашего времени”, – отмечает исследовательница.

Действительно, трагические ноты обреченности в поэзии Клычкова последних лет если и не звучат камертоном к нашему времени, то доносятся из 30-х годов как предостережение:

*Не гадай о светлом чуде.
Воскресения не будет!
Ночь пришла: померкнул свет.
Мир исчезнул, мира нет.*

Над актуальностью смыслов поэзии и прозы Клычкова размышляют многие авторы сборника. Так, Б. Тарасов отмечал: “Пристальное внимание С. Клычкова к “тайнам бытия” и “темным силам мироздания” приводят его к выводу о коренной раздвоенности внутреннего мира человека, разламывающей природную и социальную гармонию...”.

Крупнейший исследователь творчества Клычкова Н. Солнцева, обобщая опыт изучения его наследия и намечая перспективы, говорила о многогранности лирики и романов Клычкова, которые сотканы из “взаимодействия и отталкивания антропоцентризма и космизма, пастушества и экзистенциализма”.

Религиозно-философские истоки творчества Клычкова всегда волновали исследователей. О старообрядческих корнях творчества Клычкова размышлял о. Владимир Чугунов, о народной вере как основе мироощущения поэта – Б. Романов: “Народное религиозное мироощущение духовных стихов поэтом не перенято как новое откровение, оно ему родное”.

Самобытная и яркая проза Клычкова, на страницах которой существует Крестьянская Вселенная уходящей Руси, принесла с собой в литературу такой мощный духовный заряд, что его силовые импульсы сформировали поле “деревенской прозы”. О значении Клычкова для этого уникального явления русской литературы говорили А. Герасименко и А. Большакова.

Поэтика Клычкова формировалась в пространстве эстетического опыта и эксперимента Серебряного века. Интересна ее связь не только с художественным миром новокрестьянских поэтов (об этом думают и пишут Р. Вроон, Е. Маркова, В. Хомяков, Л. Калинина), но и с А. Блоком, Б. Садовским, О. Мандельштамом.

Статьи сборника позволяют увидеть творчество Клычкова в широком литературном и философском контексте. На примере конкретного анализа можно убедиться в том, что лирика и проза его наследовали традициям русской классической литературы и в то же время сами формировали традицию в новом историко-культурном пространстве.

Демоническое в лирике Лермонтова и бесовское в лирике Клычкова, бесовская мстительная стихия как один из вариантов воплощения пушкинского мифа в лирике Клычкова – эти темы исследований А. Филимонова и Е. Демиденко открывают для читателей новый лик Клычкова. Лик художника, охваченного экзистенциальным ужасом перед темным началом человеческой природы:

*И вот я с парюю клешней
Теперь в чертей не верю,
Узнав, что человек страшной
И злей любого зверя.*

В начале своего пути поэт находил смыслы и образы в тайниках народной культуры и в неисчерпаемых красотах родной природы (“... С того-то и песни мои – // Как взор лесной земляники // Меж ягод с игольем хвоя...”). В зрелый период творчества поэта глубина и сферичность его мироощущения обретают космическое измерение:

*И мир давно бы стал пустыней,
Когда б невидимо для нас
Не слит был этот сполох синий
Глаз Ночи и мужичьих глаз.*

А. Шетракова назвала мироощущение поэта “космическим” и обнажила стержневую идею его художественного мышления – идею единства человечества, связи со своим прошлым, природой и Космосом. О крестьянской Руси, сокровенном Китеже как основной мифологеме творчества Клычкова говорили Вл. Смирнов и уже ушедший от нас Вяч. Морозов. У предела своего земного пути Клычков достигает подлинной философской высоты, которая явлена в его приятии бытия, над которым слышится “голодный неприютный вой”. Это приятие мира душой, прошедшей через искус мрака, оставшейся верной заветам прошлого и не потерявшей себя в буреломе истории и человеческих трагедий:

*Не страшись судьбы безродной,
Ни тревогою бесплодной,
Ни тоской себя не мучь.
Слезы, горечь и страданье
Смерть возьмет привычной данью,
Вечно лишь души сиянье,
Заглянувшей в мрак и тьму.*

Сборник дарит читателям нового Клычкова не только потому, что раскрывает новые литературоведческие темы – источниковедческие и текстологические разыскания добавляют новые штрихи к биографии писателя.

В своем археографическом докладе М. Айвазян представил описание рукописных и документальных материалов Клычкова, хранящихся в фондах Отдела рукописей ИМЛИ РАН. О коллекциях материалов по Клычкову в Талдомском музее рассказала Т. Хлебянкина. Источниковедческую линию сборника продолжает публикация Н. Клычковой и С. Субботина, чья текстологическая работа позволила датировать три письма Николая Клюева второй половины 1920-х годов из Ленинграда.

Украшением сборника является публикация нескольких сокращенных глав из воспоминаний А. Сечинского – младшего брата Клычкова: “В конце 60-х годов А. Сечинский был одним из немногих, кто пытался возродить некогда широко известное имя Сергея Клычкова <...> А. Сечинский долго добивался переиздания книг своего брата: он обращался и к Брежневу, и к заведующему отделом культуры ЦК КПСС Шауро, и к Шолохову, но всегда получал отказ”. Хочется надеяться, что полная публикация воспоминаний А. Сечинского, не дожившего до литературной реабилитации старшего брата, сможет осуществиться в ближайшее время.

Сложные философские смыслы творчества Клычкова, утонченные и изысканные средства, которыми располагает его поэтика, – все это было предметом подробного и убедительного анализа авторов сборника. Конечно, хочется, чтобы этот анализ не заслонял от читателя того главного, что одушевляет лирику и прозу Клычкова: его милосердие и восторг любви к родной земле. Г. Русакова, рассказавшая о том, как она знакомит школьников с творчеством Клычкова, замечательно назвала свою статью: “Уроки по С. А. Клычкову – уроки патриотизма, гуманизма, любви к родной природе”. Действительно, одна из задач филологической науки – раскрытие смысла текстов для сознания нового поколения. Тем более, если эти тексты предлагают нравственные ориентиры, утрачиваемые современным обществом.

Хочется думать, что конференции, посвященные Клычкову, будут проходить регулярно, и так же регулярно будут печататься сборники по их итогам, решая, тем самым, другую важную задачу филологии – сохранение национальной памяти.